

CASE STUDIES

УДК 167.7

DOI: 10.5840/dspl20181335

ХИМЕРА ИДЕОЛОГИИ И НАУКИ В XX ВЕКЕ

Баранец Наталья Григорьевна – доктор философских наук, доцент, профессор. Ульяновский государственный университет. Российская Федерация, 432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; e-mail: n_baranetz@mail.ru.

Веревкин Андрей Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент. Ульяновский государственный университет. Российская Федерация, 432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; e-mail: a_verevkin@mail.ru.

Политическая философия науки только начинает формировать свое предметное поле, уже включающее изучение взаимодействия власти и знания, осмысление места науки в политической системе. Одно из возможных направлений расширения проблематики политической философии науки – исследование проявлений идеологии в науке. В статье описаны формы сращения политической идеологии и науки в XX веке. Отмечено, что последовательная государственная научная политика в Европе начала складываться не ранее 1930-х годов. При этом увеличение государственного финансирования науки сопровождалось ростом контроля умонастроений ученых и их научной деятельности со стороны политической элиты. Советское государство с начала своего существования решало задачу последовательного и планомерного развития науки. Идеологизация научной жизни в СССР периода 1930-40-х годов проявлялась в интенсивном давлении политической идеологии на некоторые дисциплинарные сообщества (историков, биологов, физиков). Властью был выбран директивный способ идеологического принуждения ученых, но в результате внешнее диалектически-материалистическое единомыслие имело поверхностный характер. Иная стратегия идеологического контроля через экономические и законодательные инструменты была выработана в США. Одним из факторов идеологизирующих научные исследования, здесь стал религиозный фундаментализм. Идеологически правильные исследования поощряются через государственные и частные фонды. Порицаемые правящими верхами идеи и научные теории дискриминируются законодательно и финансово. Эффект от такого способа идеологизации оказывается более долговременным и глубоким, чем от явного бюрократического воздействия. Заключается, что в XX веке идеологизация научной жизни стала реальностью во всех странах с развитыми научными институтами. Государственная политика требует от

ученых демонстрации лояльности политическим элитам.

Ключевые слова: идеология, идеологизация науки, научное сообщество, государственная научная политика, политическая философия науки.

THE CHIMERA OF IDEOLOGY AND SCIENCE IN THE TWENTIETH CENTURY

Natalia G. Baranetz – DSc in Philosophy, associate professor. Ulyanovsk State University. 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; e-mail: n_baranetz@mail.ru.

Andrey B. Verevkin – CSc in Mathematics, associate professor. Ulyanovsk State University. 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; e-mail: a_verevkin@mail.ru.

The political philosophy of science is just beginning to form its subject field, which already encompasses the study of the interaction between power and knowledge, as well as the comprehension of the place of science in the political system. A possible direction of expanding the perspectives of the political philosophy of science involves studies on the manifestations of ideology in science. The article describes the forms of the fusion of political ideology and science in the twentieth century. It is noted that a consistent state scientific policy in Europe began to take shape no earlier than in the 1930s. At the same time, an increase in state funding for science was accompanied by the political elite's increasing control of the scientists' mindset and their scientific activities. From the beginning of its existence, the Soviet state solved the problem of a consistent and systematic development of science. The ideologization of scientific life in the USSR in the 1930-40s was manifested in an intense pressure of political ideology on some disciplinary communities (historians, biologists, physicists). The authorities chose the directive method of ideological coercion of scientists, and it resulted in an external dialectical-materialistic unanimity having a superficial character. A different strategy of ideological control through economic and legislative tools was developed in the United States. Among the factors ideologizing scientific research there is religious fundamentalism. Ideologically correct research is encouraged through public and private foundations. The ideas and scientific theories condemned by the ruling elite are discriminated legislatively and financially. The effect of such a method of ideologization proves to be more lasting and profound than from an explicit bureaucratic influence. The article concludes that in the twentieth century the ideologization of scientific life became a reality in all countries with

developed scientific institutions. State policy requires scientists to demonstrate loyalty to political elites.

Keywords: ideology, ideologization of science, scientific community, state scientific policy, political philosophy of science.

Размышление о социальной роли науки обнаруживает ряд ин-тересных и сложных проблем. В контексте выбранной темы мы подумаем о проникновении в науку ценностей политических учений, о формах сращения идеологии и науки, о реакции научных сообществ на давление идеологий. Ответ требует прояснения использованных понятий. Ведь кажущаяся очевидность термина «идеология» скрывает многообразие его современных истолкований. И, по сути, похожая разноголосица проявляется в отношении смысла науки, несмотря на традиционную разработанность предмета.

Выдающийся образец некорректного упоминания идеологии – это декларация Пола Фейерабенда о том, что наука – «одна из множества идеологий и ее следует отделить от государства так, как ныне отделена от него Церковь» [Фейерабэнд, 2009, с. 157]. Для него идеология – это «пучок теорий, соединенных определенным методом и более общей философской концепцией» [Фейерабэнд, 1986, с. 512]. Теорией он называет любое знание, выработанное человеком. Поэтому идеологии не заслуживают серьезного отношения; это лишь волшебные сказки с моральными предписаниями. Идеология может способствовать прогрессу до тех пор, пока не доминирует в общественном сознании. Следовательно, наука не имеет особого познавательного статуса за отсутствием преимуществ научного метода и полезности научного продукта для общества. Для разоблачения тоталитарности и идеологичности науки Фейерабэнд предлагает следующие доводы: «способ, которым мы принимаем или отвергаем научные идеи, совершенно отличен от демократических процедур принятия решений. Мы принимаем научные законы и факты, мы изучаем их в наших школах, делаем их основой важных политических решений, даже не пытаюсь поставить на голосование. Ученые не ставят их на голосование (по крайней мере они так говорят), и, разумеется, их не ставят на голосование рядовые люди. Изредка обсуждаются и ставятся на голосование конкретные предложения. Однако эта процедура не распространяется на общие теории и научные факты» [Фейерабэнд, 2007, с. 302]. Предвосхищая критику, он заявляет, что ученые не согласятся с полезностью голосования в их области деятельности¹.

---

¹ Зная историю науки, невозможно признать, что научную истину могут выявить демократические процедуры. Оригинальный российский математик В.И. Арнольд заметил по этому поводу: «Оценка какой-либо математической теории Ньютоном или Пуанкаре имеет сегодня значительно больший вес, чем демократическое голосование десятков или даже сотен

По Фейерабенду, нет общей научной методологии и ценна любая научная теория. Ученым надо стараться строить новые теории, несовместимые с уже признанными в научном сообществе. При таком взгляде наука не является особым способом познания и не имеет никаких преимуществ перед магией и религией. Однако наука, как одна из идеологий, необоснованно заявляет о своей идеологической нейтральности. Ее необходимо отделить от государства, основанного на принципах либерализма.

Для прояснения ситуации следует признать, что наука не может быть описана как «система знаний» или «общественный институт», а является особым рациональным видом человеческой деятельности. Для выделения роли интеллекта и сознания в ней мы относим науку к деятельности духовной. Более точно, к *духовно-познавательной деятельности* мы причисляем науку, философию и религию. Но религия, наряду с правом, моралью и идеологией, также относится к *духовно-регламентирующей деятельности*. У любого индивида есть некоторое представление об устройстве мира, о своем месте в нем, об отношении к миру и другим. Все вместе это образует миропонимание человека. Оно зависит от степени развитости общества и специализированных видов духовной деятельности, от источников поступления знаний, ценностей и стереотипов поведения.

Только наука, как интеллектуальная практика, познает новое в конкретной области, связанной с материальным миром – природой, обществом, человеком и продуктами его деятельности, – объясняя фрагменты реальности через установленные закономерности. Религия истолковывает сверхъестественное в человеческом измерении, предписывая правила личного и общественного поведения. Философия проясняет мироустройство и его познание, черпая базовый материал либо из науки, либо из религии. Идеология предлагает определенный образ общества, указывая социальные возможности человека. Мораль корректирует социальное поведение человека, формируя его систему ценностей. Право строго предписывает социальное поведение.

Одно из возможных определений идеологии таково: *это система взглядов о справедливом (должном) общественном порядке и способах его исправления в соответствии с идеалом, выражающем интересы какой-то группы людей. Идеология входит в ту часть миропонимания человека, которая отвечает за социальную, национальную или родовую идентичность, формируя убеждения. Идеология систематизирует идейные ценности, обеспечивающие стремление к удовлетворению нужд сообщества.*

Лейбницев или Харди» [Арнольд, 2018, с. 157]. Для иного отношения следует выработать особенное понимание истинности или даже отказаться от нее.

В XIX веке стало очевидно наличие в обществе крупных идейно организованных социальных групп¹. Национальные, религиозные и классовые идеологии стали предметом изучения. Идеи Карла Манхейма об идеологиях малых групп не нашли продолжения, оказавшись преждевременными. Но со второй половины XX века общество расслоилось на многие группы, некоторые из которых выработали определенные идеологии, выражающие интересы, убеждения и ценности своих участников. Если идеологии больших сообществ моделируют будущее социума через идеалы и программы их реализации, то идеологии малых групп содействуют социализации индивидов.

Идеология встраивается в когнитивную систему личности, интерпретируя общественные процессы. При этом она может не осознаваться индивидом. Принимая облик «здравого смысла», идеология управляет мнениями на подсознательном уровне. Поскольку индивид принадлежит разным общностям, его ум синтезирует элементы разных идеологий.

Идеологические отношения возникают под явным влиянием какого-то общественного субъекта или опосредованно – через мораль и традицию. *Утверждение идеологических отношений обусловлено практически. Идеологии склонны к экспансии:* их носители стараются доказать превосходство над иными группами для большего контроля социальных или экономических ресурсов общества. Тесная связь группы с государством позволяет ей сделать свою идеологию доминирующей. Такая господствующая идеология транслируется через многочисленные каналы – образование, религию, СМИ, искусство, философию и др. Она охватывает повседневность индивидов, подчиняя их существующему порядку.

Идеология в науке присутствует на разных уровнях. Внешняя идеология является частью государственной политической системы и выражает интересы правящей социальной группы. *Внутренняя идеология научного сообщества* – сциентизм – выражает идею общественной полезности науки и преимуществ научного познания. Возможна *личная идеологическая и доктринальная позиция ученых* как субъектов общественно-политической системы и участников научной группы, развившей свои идеи из особых «метафизических» (философско-методологических или религиозных) убеждений.

---

¹ Открыты разные системы идеологий. Есть идеологии классовые: буржуазии – либерализм, пролетариата – социализм, бюрократии – консерватизм. Идеологии, задающие отношение к отечеству, – патриотизм и космополитизм. Отношение к государству формирует спектр идеологий – от фашизма (построение сильного государства) до анархизма (отрицание государства как машины принуждения к злу). Идея превосходства нации рождает идеологию национализма, а признание равноправия народов – интернационализма. Религиозные системы сложнее идеологий, но они могут рождать идеологии превосходства избранной религиозной группы над прочими.

Более всего изучена *внешняя по отношению к научному сообществу социально-политическая идеология*, являющаяся орудием государственной политики контроля общества. *Целенаправленное распространение и внедрение в научное сообщество политической или религиозной идеологии называется идеологизацией науки*. Она влияет на социальную жизнь ученых и в меньшей степени связана с формированием и развитием научных идей. Идеологизация проявляется в длительном воздействии некоторой политической группировки на сообщество для принуждения его участников принимать и декларировать чужеродные идеи и ценности. Когда подобное давление искажает экспертизу научных идей и нарушает правила научных исследований, тогда, несомненно, идеологизация науки имеет место.

Вынужденный союз ученых и власти или как возникла государственная научная политика

Первая мировая война необратимо изменила взаимоотношения политических элит и национальных научных сообществ. В 1860-80-е годы европейскими учеными были провозглашены автономия научной жизни и научный интернационализм, отвергнутые во время войны. Науку и образование привлекли к обеспечению военных нужд. Пропагандистское единение со своими правителями и замена космополитизма на патриотизм разорвали сложившиеся научные связи. Особенно болезненным этот процесс был для российских ученых, значительно ориентированных на немецкую науку.

Государства выступали заказчиками и организаторами научных работ военного назначения. В воевавших странах учреждались специальные органы военно-оборонных исследований: в Германии – Отдел военного сырья и Фонд кайзера Вильгельма для военно-технических наук; в США – Национальный исследовательский совет; во Франции – Управление изобретениями; в Великобритании – Комитет по научным и промышленным исследованиям при Тайном совете; в России – Особое совещание по обороне государства при военном министерстве и Центральный военно-промышленный комитет. Необходимость обеспечения страны сырьем, создания новых отраслей промышленности, выполнения оборонных заказов породили новые формы организации комплексных исследований и планирования научной работы.

Неизбежная изоляция воюющих государств послужила развитию инструментов внутренней научной коммуникации: национальных сообществ и журналов, отчасти содержащихся из казны. Последовавшие за войной смена элит и разрушение прежнего строя жизни побудили ученых искать помощи новой власти, предлагая свои проекты исследований и научных институтов.

Российские ученые активно договаривались с Советами, убеждали большевиков в необходимости науки и техники для развития страны. Строительство социально справедливого и научно-организованного общества привлекало ученых, и значительная их

часть приняла коммунистическую идеологию. Советская власть изначально считала науку главным средством построения коммунизма. Уже в ноябре 1917 года был утвержден декрет о Государственной комиссии по народному просвещению, в составе которой создавался Научный отдел. По указанию В.И. Ленина в январе 1918 года начались переговоры о сотрудничестве Академии наук с Советским государством для привлечения ученых к народнохозяйственным работам. К апрелю начали финансировать предложенные Академией проекты.

В первые послереволюционные годы, в условиях войны и голода, правительство выделяло средства для создания лабораторий и научно-исследовательских институтов. Если в 1917 году в России было 24 научно-исследовательских учреждения, то в 1928 году их стало уже 438 [Митрякова, 1968]. К руководству наукой и выработке стратегии развития привлекали ученых, инженеров и врачей. Так, в Народном комиссариате просвещения работал математик О.Ю. Шмидт. С Научно-техническим отделом Высшего Совета Народного Хозяйства сотрудничали биохимик А.Н. Бах, кораблестроитель, генерал и математик А.Н. Крылов, физик П.П. Лазарев, химик Л.А. Чугаев (всего около 200 человек). Ученые в исследовательских институтах и высших учебных заведениях получали зарплату и повышенные пайки, обеспечивающие выживание в условиях экономической разрухи. Кроме этого, они получали признание важности и полезности своей работы – власть энергично создавала научные учреждения и неплохо их обеспечивала.

В Германии к концу 1923 года было закрыто большинство научных институтов, поскольку олигархическая власть жалела расходов на науку. Но немецкие ученые самостоятельно разрабатывали полезные проекты. Энтузиазм немцев побуждался международным бойкотом и духом реваншизма в народе. В своей работе ученые видели средство возрождения страны.

Французское правительство в 1914 году организовало Высшую комиссию по изобретениям с подчинением ее министерству просвещения. Несмотря на обширную программу, плоды этого учреждения были скромны. В 1933 году по инициативе физика Жана Перрена был создан консультативный орган при министерстве просвещения по вопросам развития науки – Высший научно-исследовательский Совет. В 1938 году для координации научных исследований в общегосударственном масштабе был основан Национальный центр научных исследований. Правительство субсидировало закупки научного оборудования, оплачивало расходы по изданию научных трудов и финансировало несколько научно-исследовательских учреждений фундаментального направления.

Мы видим, что ученые охотнее сотрудничали с государством в наиболее пострадавших от мировой войны странах – России и Германии. В странах же, получивших экономические выгоды от войны, в научной политике поначалу не произошло значимых изменений. Историк науки Эдуард Израилевич Колчинский объясняет: «Многие ученые пережили ужасы Первой мировой и граждан-

ской войн, смерть близких от голода, холода, погромов и расстрелов, инфляцию, массовую безработицу, позор Брест-Литовского и Версальского мирных договоров, были деморализованы, что сказалося на их отношениях с властями. Исследователи были разочарованы идеями монархизма и либеральной демократии, приверженцы которых привели к краху и междоусобной войне великую Россию, к перманентному состоянию политико-экономического и социального кризиса Германию и поставили под угрозу существование двух великих государств. Но не только это толкало на сотрудничество с большевиками и нацистами. У них появился шанс использовать мощные государственные ресурсы для реализации своих планов и притязаний на активное участие в разработке и принятии правительственных программ. И они были искренне уверены, что только прогресс науки обеспечит будущее процветание их стран» [Колчинский, 2006, с. 35].

Советская программа идейной перековки ученых

Советские вожди по своему дореволюционному опыту знали, что кроме материального фронта борьбы за власть есть и духовный фронт постоянной борьбы за образ мыслей граждан. Для этой почти невидимой брани нужны идеологи – сеятели нового мировоззрения.

Для подготовки идеологических кадров в 1918–21 годы были созданы Институт Красной профессуры, Коммунистический университет имени Свердлова и Коммунистическая Академия. Декретом Совнаркома от 4 марта 1921 года было введено обязательное преподавание минимума по общественным дисциплинам на основе курса исторического материализма. Создание в 1922 году специализированного журнала «Под знаменем марксизма» было важно для идеологической консолидации. Центрами формулирования политически верных идей для ученых стали научно-идеологические общества. Еще в 1919 году в Петрограде было создано Научное Общество Марксистов – первая в стране группа преподавателей и ученых, увлеченных марксизмом. Немного позднее были организованы подобные группы и в других университетах, как и многочисленные Общества воинствующих материалистов. Первоочередной теоретической целью было развивать диалектический материализм, чтобы распространять его в марксистских кружках, в университетах и вузах.

Идеологический зов власти и ответ советских ученых

Как вели себя ученые из разных дисциплинарных сообществ под нажимом политической идеологии и философии диалектического и исторического материализма? Всюду ли произошло идеологизирование научного поля? Для гуманитариев ситуация была предопределена. Будучи «идеологическими бойцами», они должны были принять новую идеологию и внедрять ее в свои науки как

методологическое основание исторических, социально-политических и философских исследований.

Для историков Советская власть создавала новые научные учреждения: в 1919 году в Ленинграде учредили Государственную академию истории материальной культуры, в 1921 году в Москве основали Институт истории. В 1926 году при Коммунистической академии организовали Общество историков-марксистов, выпускавшее журнал «Историк-марксист». История стала изучаться исключительно на принципах исторического материализма, в социально-экономическом ключе, на основании формационного подхода, контуры которого постоянно уточнялись. Исследования сотрудников исторических институтов перенаправили на изучение новейшей истории Запада и России, в ущерб антиковедению, славяноведению и византиноведению. Большинство историков старой школы примирились с новой властью, имея богатый дореволюционный опыт бюрократических компромиссов.

Осенью 1928 года состоялось совещание историков и пропагандистов, организованное Агитпропом ЦК, которое решило покончить с плюрализмом на «историческом фронте». Лидер советской исторической науки М.Н. Покровский призвал расформировать РАНИОН, как прибежище старых кадров. В 1929 году началось «Академическое дело», по которому преимущественно привлекались историки, этнографы и краеведы. Академика С.Ф. Платонова обвиняли в учреждении «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» [Перченков, 1995].

К началу 1930-х годов завершился разгром старой традиции отечественной исторической науки. Большинство дореволюционных ученых были выброшены из профессии, кроме некоторых, безусловно принявших марксизм и его проблематику, продиктованную партийными функционерами. Была навязана жесткая схема понимания исторического процесса – исторический материализм. Методологических и философско-исторических поисков вести не рекомендовалось. Деятельность историков направлялась на сбор частных фактов – краеведение, палеография, источниковедение. Чем уже была тема исследования, тем меньше пугающего внимания блюстителей она привлекала.

В идеологических кампаниях 1940-х годов сильно пострадало сообщество биологов. Та трагедия была обусловлена поведением самих ученых, а также интересом власти к скорым практическим результатам аграрной науки – надо было решать продовольственную проблему.

Биологи в 1920-е годы прибегали к властям не только за материальной помощью, но и в сугубо научных спорах, эксплуатируя административно-политический ресурс и подтверждая свои гипотезы согласованностью с диалектическим материализмом. В конце 1920-х годов в советской науке шла борьба между классической биологией и новаторской экспериментальной наукой – генетикой, переживавшей период накопления эмпирического материала и не имевшей генерализирующей теории. Одной из линий столкнове-

ний генетиков было противостояние ламаркистам. Генетики-дарвинисты обвиняли неоламаркистов в механистической антидиалектической позиции, утверждая, что в генетике воплощено живое знание о природе.

Государство, заинтересованное в приросте объемов сельскохозяйственной продукции и повышении культуры аграриев, выделяло существенные средства на аграрную науку, создавало исследовательские центры. Так, в 1923 году был организован Научно-исследовательский институт имени К.А. Тимирязева, перед которым ставились не только исследовательские, но и пропагандистские задачи – участвовать в становлении марксистских взглядов в естествознании.

Естественные философско-методологические споры в период бурного роста генетических исследований выплеснулись из научных журналов на страницы идеологических журналов – «Под знаменем марксизма» и «Большевик». Биологи сами пытались формировать научную политику: выступали с проектами¹, боролись за административные должности и слишком идеологизировали повседневность научной жизни. В результате биологическое сообщество утратило возможность вести свободную научную дискуссию, вопрос об истинности научных концепций решался административным вмешательством и вел к профанации науки.

Свое автономное право на научную дискуссию смогли отстоять физики. В 1920-40-е годы выделилась группа ученых, считавших, что классическая механика с ее методами достаточна для объяснения мира (А.К. Тимирязев, Н.П. Кастерин, В.Ф. Миткевич и др.). Будучи физиками-экспериментаторами, противники квантовой теории превыше всего ценили процедуру эмпирической верификации. А.К. Тимирязев и А.А. Максимов публиковали статьи с разоблачениями «физического идеализма» и «махизма» сторонников теории относительности и квантовой механики не в профессиональных журналах, а в журнале «Под знаменем марксизма». Они обращались в секретариат Академии наук, драматически выступали на заседаниях секций АН и конференциях, превращая методологические и научные темы (например, о природе электрического тока и используемых понятиях для описания физических явлений) в повод для идеологических обвинений оппонентов [Сонин, 1994]. Критики «физического идеализма» действовали по одной схеме: вырванные из контекста предложения соперников осуждались как противоречащие положениям марксизма, для чего подбирались

---

¹ Выдающиеся генетики Н.К. Кольцов, Ю.А. Филиппенко, А.С. Серебровский, М.В. Волоцкий в 1920-е годы выступили с евгенической программой спасения человечества от «генетического вырождения» и создания нового, генетически совершенного человека. Проекты селекции и улучшения породы человека к началу 1930-х годов были осуждены как бесчеловечные и противоречащие идее трудового формирования новой социалистической личности. «Русский евгенический журнал» и евгеническое общество были закрыты.

относительно подходящие цитаты из канонизированных источников («Анти-Дюринг» Ф. Энгельса или «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина). Мнения оппонентов описывались как «ангиленские, в корне враждебные материализму... раболепие перед заграничными учеными... продукт буржуазного мышления». «Идеалисты» согласованно противостояли критике и защитили свою позицию. С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе, И.Е. Тамм и В.А. Фок в 1930–40-х годах постоянно выступали против идеологической критики на страницах специальных и партийных журналов. В 1937–38 годах была репрессирована группа физиков. Некоторые из них погибли, будучи обвинены в заговорах и сообщничестве с иностранными разведками. Известно, что прямого влияния на эти аресты кампания против «физического идеализма» не имела. Однако использование диалектизаторами физики идеологических доводов в опасное время «чисток» для победы в научно-философском споре заслуживает морального осуждения.

Советская партийная власть выбрала путь явного идеологического принуждения. Однако обрядовое единомыслие было неглубоким и уязвимым к симуляции. В идеологизированных дисциплинах стали преуспевать бесплодные в научном отношении имитаторы, которые не могли предложить государству ничего, кроме своей фальшивой преданности. Скоро выяснилось, что только из принципов диалектического материализма не вывести полезных результатов в естествознании. Методология науки не может быть редуцирована к диалектике. Но диамат имел важное мировоззренческое значение. Он стал фундаментом научных взглядов большинства советских ученых, сформировав представление о материальности и взаимосвязанности мира, его постоянном изменении, объясняемом внутренними факторами, – а на любом уровне существуют законы развития материи, доступные познанию человека. Знание формируется объективно природной и социальной реальностью и приращивается посредством накопления относительных истин.

Трагедия 1930-40-х годов для некоторых ученых была в том, что они оказались, как и многие другие, вовлечены в процесс «чисток», связанных с борьбой за власть в высших партийных кругах. Этой ситуацией пользовались недобросовестные коллеги, желавшие преуспеть и захватить административные посты. Именно они употребляли политическую риторику в научных дискуссиях и заняли командные позиции в ряде дисциплинарных сообществ.

Религиозный фундаментализм как идеологизирующий фактор научной жизни США

К началу XX века общественная жизнь в США уже была подчинена базовым идеологемам, передаваемым через образование, литературу и СМИ. В колониях Новой Англии XVII века, как ни в одном другом государстве, идеология имела системообразующее значение. Духовные лидеры Нового Света по-пуритански верили, что Божественное проведение привело их в Америку и направляет

их поступки. Колонисты должны служить примером человечеству – быть Новой Атлантидой и «Градом на холме». Завоеванная независимость упрочила идею богоизбранности белых американцев, как новых детей Израиля и спасителей мира. Другую идеологию создали основатели Соединенных Штатов. В фундамент государства они заложили поклонение деловому индивидуализму и конституции.

В начале XX века в политической жизни США усилились охранительные тенденции. Законодатели поддерживали креационизм и евгенику. Обе квазинаучные концепции были реакцией на эволюционную гипотезу Дарвина. При этом ученые-евгенисты осознавали научную основу проекта улучшения породы человека, но политики-евгенисты могли и не знать об идеях эволюции, придерживаясь мнения о потомственном вырождении некоторых групп людей.

Религиозные фундаменталисты объявляли эволюционную теорию отвратительной выдумкой, противоречащей принципам «отцов-основателей». Ее исключали из государственного преподавания, изымая из учебников¹. При поддержке сенаторов-фундаменталистов креационисты до 1960-х годов контролировали среднее и высшее образование США. После усиления позиций эволюционистов и отмены запретов креационисты сменили тактику – стали пропагандировать «концепцию разумного замысла» и примиренчество².

Рассуждая о влиянии идеологии на развитие науки, американский астрофизик и популяризатор науки Карл Саган пишет: «На протяжении 200 лет американцы гордятся тем, какой они практически мыслящий, идеологически незашоренный народ. Тем не менее, в Соединенных Штатах процветали псевдонаучные вариации антропологии и психологии, например, расовая теория. Под маской «креационизма» всерьез предпринимались усилия покончить с

---

¹ Сравнивая последствия идеологизации биологии в СССР и США, Синтия Минтас пишет: «Лысенко удалось возглавить советскую науку благодаря тому, что он четко держал нос по ветру идеологического курса партии и правительства. Под его руководством все научные институты страны были перекроены по идеологическим лекалам, результатом стала стагнация биологии и сельского хозяйства в Советском Союзе. Некоторые исследователи в Соединенных Штатах Америки полагают, что американскую науку ждала та же участь, если бы контроль над ней взяли креационисты или даже если бы им позволили преподавать библейскую теорию происхождения жизни наравне с теорией эволюции» [Миллс, 2009, с. 147].

² Термин «примиренчество» (accommodationism) был использован в русском переводе книги Д. Койна «Вера против фактов. Почему наука и религия несовместимы» (М., 2017). Он обозначает позицию ученых, отрицающих конфликт между наукой и религией. Выразителем примиренчества стал американский палеонтолог, соавтор теории прерывистого равновесия (альтернатива синтетической теории эволюции) – Стивен Гулд. Он снижал роль естественного отбора и сомневался в его возможности получить сложные и прогрессивные формы. Причина его отрицания дарвиновской эволюционной теории в применении ее для оправдания социального дарвинизма, расизма, империализма и либерального безразличия к нищете.

преподаванием в школах теории эволюции – главной объединяющей концепции в биологии, существенной для понимания многих других предметов от астрономии до антропологии» [Саган, 2015, с. 320].

Стивен Вайнберг, получив Нобелевскую премию по физике в 1979 году, стал желанным научным экспертом на политических мероприятиях в США. Его описание показывает степень влияния религиозного фундаментализма: «Религиозные консерваторы, не в пример их либеральным оппонентам, понимают, как высоки ставки в спорах о преподавании теории эволюции в школах. В 1983 г., вскоре после переезда в Техас, я был приглашен выступать перед комиссией сената штата Техас по поводу закона, запрещающего изложение теории эволюции в издаваемых за счет штата учебниках для вузов, если равное количество страниц в них не посвящено креационизму. Один из членов комитета спросил меня, как может штат поддерживать преподавание научной теории, вроде теории эволюции, которая столь разрушительно действует на религиозные чувства. Я ответил, что было бы неправильно, если бы приверженец атеизма уделял теории эволюции больше внимания, чем это нужно для преподавания биологии, но согласно первой поправке к Конституции было бы столь же неправильно уделять эволюции меньше внимания, чтобы защищать религиозные верования. Просто это не дело учебных заведений – так или иначе обсуждать религиозные приложения научных теорий. Мой ответ не удовлетворил сенатора, так как и он, и я знали, какой эффект будет от курса биологии, в которой теории эволюции уделено должное место. Когда я покидал зал заседаний, он пробормотал мне вслед, что "Бог все равно на небесах"» [Вайнберг, 2008, с. 193-194].

В США главным инструментом организации общества являются деньги. Исследователи стимулируются на идейно полезную работу посредством грантов: «Американские ученые – или, вернее, их материальная поддержка – в значительной мере зависят от американских граждан, которые в большинстве своем религиозны, и от конгресса США, который тоже религиозен. (Не секрет, что человеку, признающему себя атеистом, практически невозможно попасть в конгресс, и во время избирательной кампании кандидаты всю щеголяют своей религиозностью). Большинство исследователей получают грантовую поддержку от федеральных агентств вроде Национального научного фонда или Национального института здравоохранения, бюджеты которых ежегодно утверждаются конгрессом. Для ученых такие гранты – единственная надежда, ибо исследования – дело дорогое, а отсутствие научных результатов может привести к потере должности, отсутствию продвижения по службе или прибавок к зарплате. Любое заявление о том, что наука каким-то образом конфликтует с религией, способно привести к урезанию бюджета (по крайней мере, ученым так кажется) и поставить таким образом под угрозу их профессиональное благополучие» [Койн, 2017, с. 33].

В условиях острой конкуренции за финансирование появление новых грантодателей весьма привлекательно. То, что гранты обязывают служить идее примиренчества, не является для многих ученых тяжелой моральной обузой – они легко несут бремя двоемыслия. Один единственный Фонд Джона Темплтона¹, финансируя исследования о взаимно полезном сосуществовании науки и религии, обеспечил широкое распространение этих идей в американском научном сообществе. «Фонд Темплтона ежегодно распределяет \$70 млн. в виде грантов и стипендий. Для сравнения скажем, что это впятеро больше, чем Национальный фонд науки в США каждый год выделяет на исследование в области эволюционной биологии – одного из направлений работы Фонда Темплтона. Учитывая глубокие карманы Фонда Темплтона и не слишком строгие критерии распределения денег, неудивительно, что, когда заручиться финансовой поддержкой непростое, ученые выстраиваются в очередь за этими грантами. Понятно, что такая поддержка гарантирует непрерывный поток конференций, книг, монографий и журнальных статей, многие из которых выступают за примирение веры и науки» [Койн, 2017, с. 46-47].

Научная коммерция устремляет исследования в нужном идеологическом русле. Так, фонд Темплтона финансировал Фарадеевский институт науки и религии в Кембридже и программу для детей «Испытание веры», учащую, как христианство сотрудничает с наукой. Фонд выделил \$5,1 млн. на трехлетний проект изучения клинической смерти и загробной жизни «Бессмертие». \$1,7 млн. получил проект «Случайность и божественное провидение». На эти деньги математики, физики и богословы изучали природные случайности, раскрывающие присутствие Бога. \$4,4 млн. получили нейробиологи, философы и богословы в проекте «Великие вопросы о свободе воли». Пятилетний проект «Основополагающие вопросы эволюционной биологии» под руководством Гарвардского профессора Мартина Новака получил \$10,5 млн. В его целях указано направлять исследователей к изучению происхождения творческих способностей, логики биологической динамики и биологической онтологии, концепции телеологии и конечной цели в контексте эволюции.

В США идеологизация науки происходит не прямым бюрократическим вмешательством государственной власти. Основные способы воздействия на тематику научных исследований – поощрительный и запретительный. Фондами оплачиваются «идеологически правильные» исследования. Законодательно ограничиваются в

---

¹ Джон Темплтон (1912–2008) – миллиардер, разбогател на паевых фондах. Принадлежал к пресвитерианской церкви. Считал, что религия обладает ключами к «духовной» реальности и что наука с религией могут быть союзниками в поиске ответов на «великие вопросы» о цели, смысле и ценностях. Завещал свое состояние в \$1,5 млрд. фонду своего имени, основанному в 1987 г. Филантропическая миссия фонда отражает стремление Темплтона к примирению науки и религии.

распространении неугодные олигархам идеи и научные теории. Эффект от этих способов идеологизации науки не меньший, чем от прямого бюрократического нажима. Видимость добровольного и осознанного участия в идеологически ангажированных проектах способствует тотальной эффективности такого подхода.

Памятка исследователю о должном отношении к процессам идеологизации науки

На что следует обращать внимание при исследовании идеологизации науки? Сначала нужно признать, что в XX веке стала формироваться целенаправленная государственная политика в отношении науки. Посредством нее осуществляется союз организующих и производительных сил общества. Научная политика в идеологизированных государствах всегда включает идеологический контроль ученых. Независимо от ориентирующего общество социальных идеалов, доминирование политической идеологии в сочетании со стремлением к власти в научном сообществе всегда приводит к выдвиганию карьеристов из научной среды. Эти деятели манипулируют идеологической риторикой для борьбы с конкурентами за контроль важных ресурсов. Идеологизация в науке происходит через привлечение вненаучных сил для разрешения научных споров, что приводит к пренебрежению правилами научной жизни. Это явление не только деформирует нравственность ученых, но и пагубно сказывается на развитии науки. Историкам науки, изучающим нелегкие периоды XX века, не должно впадать в пессимизм. По-видимому, научные сообщества наиболее сильных государств должны были переболеть идеологизацией для выработки понимания ценности экспертной автономии науки. Ученым следует научиться бороться за свои профессиональные права, доказывая полезность для общества своего научного направления [Касавин, 2015, с. 13]. Не нужно забывать эпизоды нарушения норм научной жизни в отечественной истории, но при этом необходимо знать историю идеологизации науки в иных странах. Старшие историки науки помнят о сходных процессах в Германии, где шла борьба с «неарийской» физикой, в США и Швеции, где на государственном уровне активно исполнялся евгенический проект. К сожалению, об этом редко пишут в статьях и книгах, пересказывающих эпизоды советских идеологических кампаний. Молодые историки науки послушно проходят мимо этого знания, не поднимающего иностранных индексов. Об идеологизации зарубежной научной жизни почти не пишут в учебниках и монографиях, что само по себе отражает отечественную идеологизацию нового рода. Упрощенная современная история мировой науки преподносится так, что в тоталитарном советском государстве нормальная научная жизнь нарушалась навязыванием диалектического и исторического материализма, а в свободном и демократичном западном обществе идеологической селекции научных теорий не существовало. Коммерция и рыночные отношения будто бы способствуют свободно-

му развитию и распространению научных идей. Наивность подобных суждений вскрывается анализом результатов научно-технического или гуманитарного развития разных стран. Без сомнения, интенсивность идеологизации науки в различных государствах разная. Часто они несравнимы по многим причинам, далеким от науки. Но в XX веке политическая идеологизация научной жизни стала реальностью во всех государствах, где сформированы и работают научные институты.

Список литературы

Арнольд, 2018 – *Арнольд В.И.* К восьмидесятилетию. М.: МЦНМО, 2018. 496 с.

Вайнберг, 2008 – *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории. Физика в поисках самых фундаментальных законов природы / пер. с англ. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.

Касавин, 2015 – *Касавин И.Т.* Как возможна политическая философия науки? // *Epistemology&Philosophy of Science.* Эпистемология и философия науки. 2015. № 3. С. 5–15.

Койн, 2017 – *Койн Д.* Вера против фактов. Почему наука и религия несовместимы / пер. с англ. Н. Лисовой. М.: Альпина Паблишер, 2017. 384 с.

Колчинский, 2006 – *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2006. 638 с.

Миллс, 2009 – *Миллс С.* Теория эволюции: история возникновения, основные положения, доводы сторонников и противников / пер. с англ., ред. О.Н. Рева. М.: Эксмо, 2009. 208 с.

Митрякова, 1968 – *Митрякова Н.М.* Структура, научные учреждения и кадры АН СССР (1917 – 1940 гг.) // Организация научной деятельности. М.: Наука, 1968. С. 203–235.

Перченко, 1995 – *Перченко Ф.Ф.* К истории Академии наук: снова имена и судьбы // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка* / сост. А.И. Добкин, М.Ю. Сорокина. М.: СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. С. 141–210.

Саган, 2015 – *Саган К.* Мир полный демонов. Наука – как свеча во тьме / Пер. с англ. Л. Сумм. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 537 с.

Сонин, 1994 – *Сонин А.С.* «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М.: Физматлит, 1994. 224 с.

Фейерабенд, 1986 – *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем.; общ. ред. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1986. 542 с.

Фейерабенд, 2009 – *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе: пер. с англ. М.: АСТ, 2009. 378 с.

Фейерабенд, 2007 – *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархической теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: Хранитель, 2007. 413 с.

References

Arnold, V.I. *K vosmidesyatiletiyu* [To the Eightieth Birthday]. Moscow: MCNMO, 2018. 496 pp. (In Russian)

Coyne, D. *Vera protiv faktov. Pochemu nauka i religiya nesovmestimy* [Faith Versus Fact: Why Science and Religion Are Incompatible], transl. by N. Lisova. Moscow: Alpina Publisher, 2017. 384 pp. (In Russian)

Feyerabend, P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science], transl. and ed. by I.S. Narsky. Moscow: Progress, 1986. 544 pp. (In Russian)

Feyerabend, P. *Nauka v svobodnom obschestve* [Science in a Free Society]. Moscow: AST, 2009. 378 pp. (In Russian)

Feyerabend, P. *Protiv metoda. Ocherk anarhicheskoy teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchist Theory of Knowledge], transl. by A.L. Nikiforov. Moscow: Khranitel, 2007. 413 pp. (In Russian)

Kasavin, I.T. *Kak vozmozhna politicheskaya filosofiya nauki?* [How is Political Philosophy of Science Possible?], *Epistemology&Philosophy of Science*, 2015, no. 3, pp. 5–15. (In Russian)

Kolchinskij, E.I. *Biologiya Germanii i Rossii – SSSR v usloviyah sotsialno-politicheskikh krizisov pervoj poloviny XX veka* [Biology of Germany and Russia – the USSR in the Socio-political Crises of the First Half of the Twentieth Century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. 638 pp. (In Russian)

Mills, S. *Teoriya ehvolyutsii: istoriya vozniknoveniya, osnovnye polozheniya, dovody storonnikov i protivnikov* [The Theory of Evolution: What It Is, Where It Came From, and Why It Works], transl. and ed. by O.N. Reva. Moscow: Eksmo, 2009. 208 pp. (In Russian)

Mitryakova, N.M. *Struktura, nauchnye uchrezhdeniya i kadry AN SSSR (1917–1940 gg.)* [The Structure, Scientific Institutions and Workforce of the USSR Academy of Sciences (1917–1940)], in: *Organizatsiya nauchnoj deyatel'nosti*. Moscow: Nauka, 1968, pp. 203–235. (In Russian)

Perchenok, F.F. *K istorii Akademii nauk: snova imena i sudby* [To the History of the Academy of Sciences: Again Names and Destinies], in: *In memoriam: Istoricheskij sbornik pamyati F.F. Perchenka*. Moscow, St. Petersburg: Feniks, 1995, pp. 141–210. (In Russian)

Sagan, K. *Mir polnyj demonov. Nauka – kak svecha vo tme* [The Demon-Haunted World: Science as a Candle in the Dark], transl. by L. Summ. Moscow: Alpina non-fikshn, 2015. 537 pp. (In Russian)

Sonin, A.S. *“Fizicheskij idealizm”: Istoriya odnoj ideologicheskoy kampanii* [“Physical idealism”: The History of an Ideological Campaign]. Moscow: Fizmatlit, 1994. 224pp. (In Russian)

Weinberg, S. *Mechty ob okonchatel'noj teorii. Fizika v poiskah samykh fundamentalnykh zakonov prirody* [Dreams of a Final Theory: The Scientist's Search for the Ultimate Laws of Nature], transl. from English. Moscow: LKI, 2008. 256 pp. (In Russian)

Поступила в редакцию 10.07.2018